

Осенью ей тяжело, когда осыпаются листья. Помнится такая же пора военного времени. Повестку сыну принесли в последнюю осень войны. Он уже закончил ФЗУ и начал работать в родном городе на заводе токарем. И опять тот же вокзал, те же длинные сверкающие рельсы. Они, как ножи, возлились в сердце. Слабыми руками обвила сына, захлебнулась в слезах и не хотела отпускать... Отзвенели рельсы, да не угадали материнские думки. Сильней ссутулилась, поникли плечи от горя, прибавилось седины. Домой привели ее женщины-соседки. Добрых людей на свете много. В беде не оставят. Это хорошо узнала Лидия Ивановна за свою нелегкую жизнь.

Хорошо помнится, как любил ее Васятка, милая кровинка, топтаться на палой листве. Маленький он был. Выдет с ним в парк гулять, а он довольный простором, солнцем, бегаёт взад-вперед, сгребает листву и кричит:

— Ма-ам, всю лету, собрал!

И смеялся. Смеялся, запрокинув светлую, лыжную головку. Лидия Ивановна подбежит к нему, поймает на руки, поцелует, потом шлепает, забавляясь, как он увертывается от ее ударов...

Каждое утро теперь она смотрит на своих мужчин и припоминает случай за случаем, что происходили то с Василием, то с Васяткой. И будто легче ставится на душе. С кем больше и ответит душу, как не с ними, родными. Сядет на табуретку, напротив портретов, уронит на колени сухие серые руки и говорит вслух:

— Работать мне трудно, милые? Конечно, не легко в мои годы... Да вам по секрету и скажу: без работы мне горше. В ней забываюсь. Пробовала не работать, так не знаю, куда себя деть. Не деньги мне, милые, нужны. Пенсии вполне хватает, а вот деть себя некуда от боли за вас...

Разве она когда думала, что будет одинокой... Светлый и добрый денек тогда выдался. Василий встретил ее в дверях родильного дома и сразу же взял из рук сверток. А она шла рядом, заглядывала под уголок зеленого одеяльца и молила мужа:

— Вася, милый, ты осторожнеей. Мягче ступай-то, мягче... Земля вон твердая, иссохла без дождей... Ну, Вася...

— Вася, Вася, — отвечал ра-

достно муж. — Пусть будет Вася! Я не имею возражений...

Так в доме стало два Василия. Вася большой и Вася маленький.

От сына получила одно-раз-единое письмо. И то с дороги. Васятка писал, чтобы мать не беспокоилась о нем. Он отомстит за отца, за всех погибших советских людей и вернется с победой. Только с победой. Еще обещал с фронта прислать фотографию. И потекли дни, наполненные бесконечным ожиданием писем от Васятки. Каждый день выходила навстречу поч-

тщины и увозят за город. Когда приходит Мария, Лидию Ивановну одолевают слезы. Совладать с ними нет никакой возможности. Бывало, скажет Марии за помощь спасибо, а та ружкой махнет и скороговоркой:

— Чего уж, не в тягость мне... Все такие будем.

А то спросит, мол, почему не отдыхаешь, Ивановна? А она промолчит. Не станет же она рассказывать ни с того, ни с сего о своей тоске, которая становится еще сильнее, если без работы...

ВАСЯТКА БОЛЬШОЙ, ВАСЯТКА МАЛЫЙ

тальонке и допытывалась, не потеряла ли та письмо от ее сына, не забыла ли на почте. Но ни фотографии, ни письма, ни единой весточки больше не было.

Тот день сочился мелким тихим дождем. Лидия Ивановна не замечала холодной погоды, дождя и сидела отрешенно на лавочке возле своего домика. На колени упал тополиный лист. Был он желтый, сиротливо сморщенный, с вогнутыми краями. Разгладила лист на колене, поднесла к губам и поцеловала. В стылом листе было что-то грустное и тоскливое, схожее с ее судьбой. Поднялась, пошла домой. В дверях столкнулась с двумя мужчинами в военной форме. Они и сообщили о смерти сына...

Покойней Лидии Ивановне зимой. Снег идет часто. Тротуары покрываются ледяным панцирем. Чуть свет поднимается и до позднего вечера скалывает она плотный нарост. Под конец руки слабеют, и не унять мелкую дрожь. С трудом достигает последние метры. В работе меньше горьких думок.

Иногда на помощь приходит Мария с соседней улицы. Она моложе и сильнее. Молча зайдет с другого конца и станет быстро-быстро орудовать своей лопаткой и так же быстро сметать плитки серого снега в кювет, откуда его сгружают в ма-

В воскресенье Лидия Ивановна идет в магазин. У знакомой белокурой продавщицы покупает пачку кулинарного жира, немного колбасы, баранок, складывает в сумку и выходит на улицу. Солнце висит над самыми крышами домов, нисколько не греет серенькое небо. Неподвижно стоят опущенные первым инеем тополя. Прыгают по веткам воробьи, стряхивают на землю белые снежинки. Лидия Ивановна смотрит на воробьев и жалеет их. Наверное у них без привычки мерзнут голые лапки.

По дороге встретились ребяташки. Шли они дружной гурьбой, спорили, размахивали руками. Увидели Лидию Ивановну, примолкли, расступились, проговорили:

— Здравсте-е, Лидия Ивановна!

— Здравсте-е...

Смотрела Лидия Ивановна на ребятню, чем-то похожую на воробьев, вспоминала своего Васятку, и он ей представляется живым, вот таким же озорным и беспокойным. Васятка в таком возрасте любил носить сумку под мышкой. Сумку ту они вместе, Василий, Васятка и она, выбрали в воскресный день в «Детском мире».

Остаток дня Лидия Ивановна провела со своими мужчинами. И они ей казались совсем не мертвыми, а живыми...

(Начало на 3-й стр.).